

Между лексикой и грамматикой: к вопросу о статусе полуфразем

В статье предпринята попытка определить статус языковых единиц, которые занимают промежуточное положение между лексикой и грамматикой. К ним относятся и синтаксические конструкции, которые Н. Ю. Шведова назвала «фразеологизированными построениями». Номинации, однозначно закрепленной за ними, не существует. Разные авторы используют термины: «предложения фразеологизированной структуры», «фразеосхемы», «формальные конструкции», «квазирелятивы», «синтаксические фраземы» и др. Синтаксические фраземы не вписываются в традиционные синтаксические классификации и поэтому требуют особого изучения. Причиной появления таких переходных единиц автор предлагает считать процесс идиоматизации, который не ограничивается уровнем лексики, а распространяется на все языковые уровни и может привести и к образованию фразеологизма, и к созданию грамматического правила. Чем более частотной и невариативной является фразема, тем больше вероятность ее фиксации в словаре (клише, лексическая фразема), чем она менее частотна и более вариативна, тем больше вероятность ее фиксации в грамматике (синтаксическая фразема).

В предлагаемой статье на примере сочетания *мест.+попало* рассматривается процесс преобразования полноценного сложноподчиненного предложения в синтаксическую фразему. Возникновение и развитие синтаксической фраземы рассматривается как один из этапов грамматикализации, в результате которой полнозначный глагол утрачивает свои свойства (парадигму формоизменения, способность к грамматическому управлению, предикатную функцию).

Ключевые слова: идиоматизация, фразеологизация, грамматикализация, синтаксическая фразема, полуфразема, редукция.

В русистике с исследований Н. Ю. Шведовой [1; 2] началось описание синтаксических конструкций, которые она назвала «фразеологизированными построениями». Номинации, однозначно закрепленной за ними, не существует. Разные авторы используют термины: «предложения фразеологизированной структуры» [3], «фразеосхемы» [4], «формальные конструкции» [5], «квазирелятивы» [6], «синтаксические фраземы» [7] и др.

Термин «синтаксические фраземы» используем и мы с М. В. Копотевым [8]. В своей книге мы рассматриваем «исключения из правил» — переходные языковые единицы, занимающие промежуточное положение между лексикой и грамматикой, между разными грамматическими уровнями, отличающиеся некомпозициональностью содержания и непрозрачностью формы, не вписы-

вающиеся в традиционные лингвистические классификации. Причиной появления таких переходных единиц, на наш взгляд, является процесс идиоматизации, который не ограничивается уровнем лексики, а распространяется на все языковые уровни и может привести и к образованию фразеологизма, и к созданию грамматического правила.

Итак, два исходных теоретических положения: проницаемость границ (нет четкой границы между лексикой и грамматикой) и грамматикализация, под которой понимается процесс, ведущий от лексемы к грамматическому показателю. Возникновение и развитие синтаксической фраземы — это один из этапов грамматикализации, другими словами, синтаксическая фразема проходит путь от свободной синтаксической конструкции к идиоме.

Н. Ю. Шведова сформулировала основные принципы описания подобных конструкций: «<...> единственно возможный метод изучения таких конструкций: их двусторонний анализ, описание как лежащей в их основе грамматической схемы, так и тех словесных рамок, которыми эта схема ограничена» [9].

Влияние идиоматизации на формальную структуру может проявляться в различного рода синтаксических «неправильностях» или запретах на различные модификации и трансформации (см. [10; 11]). Ср.: *Пить так пить!* — синтаксическая структура полностью нарушена. *Муж и жена — одна сатана* не имеет модально-временной парадигмы (**Муж и жена были/будут одной сатаной*).

Идиоматизация синтаксических конструкций бывает разной степени: может приводить к полной связанности или оставлять какие-то компоненты свободными. Так, предложение *Я тебе почитаю!* является примером **полной синтаксической фраземы**, поскольку «запретительная» семантика конструкции не извлекается ни из одного ее элемента.

В данной работе объектом анализа являются **полуфраземы**, где один из компонентов жестко закреплен, а другой допускает вариативность.

Как уже отмечали современные исследователи, многие синтаксические конструкции литературного языка в разговорной речи подвергаются редукции и фразеологизации [12; 13]. Именно редукция в таких конструкциях приводит к грамматикализации и идиоматизации. При этом общий объем информации, выражаемый са-

мостоятельной синтаксической единицей, стремится остаться постоянным, хотя форма выражения может меняться. Изначально композициональное содержание высказывания, эксплицитно представленное синтаксически связанными лексемами, в результате редукции каких-либо элементов может быть частично делегировано всей конструкции, превращая последнюю в синтаксическую фразему.

В качестве примера подобного процесса можно рассмотреть оборот *кто/что попало*. Статус данного оборота в лингвистике однозначно не определен. Так, в некоторых словарях дается помета *мест.* [14], в других сообщается, что это «цельное по смыслу выражение. Не требует постановки знаков препинания» [15], этот оборот включается и во фразеологические словари [16]. Этот разброс трактовок еще раз свидетельствует о том, что нет четкой границы между лексикой и грамматикой. Неслучайно Я. Г. Тестелец считает, что компонент «попало» — это своего рода суффикс, аналогичный «-то» или «-нибудь», а вся конструкция является эквивалентом неопределенного местоимения [17]. В связи с этим возникает вопрос о том, как исходная глагольная форма превратилась в «суффикс».

Представляется, что эта синтаксическая полуфраза — результат нескольких длительных процессов. Одним из них является процесс редукции сложноподчиненного предложения. Сравним несколько примеров (здесь и далее примеры из Национального корпуса русского языка: <http://ruscorpora.ru>):

*Ревность ворвалась, как река, и разорвала все плотины и увлекла с собой и его и с ним все, **что попало** в этот поток* [И. А. Гончаров. Опять «Гамлет» на русской сцене (1875)]; *Фотографирование проводилось автоматически через каждые 75 секунд, фиксируя все, **что попало** в видимость прожекторов.* [Василий Дмитриев. А все-таки, как же с Несси? // «Техника — молодежи», 1976]. В этих двух предложениях реализована исходная синтаксическая конструкция сложноподчиненного предложения, в которых опорное местоимение в главной части вербально не выражено, но легко может быть восстановлено: *увлекало за собой все то, что попало в этот поток; фиксируя все то, что попало в видимость.* Здесь компонент *попало* является полнозначным глаголом, обладает морфологическими (форма прош. вр. ср. р.) и синтаксическими

свойствами (управляет зависимым словом), выполняет функцию предиката в придаточной части сложного предложения.

*Вот выходит одна девка и один мужчина на середину и начинают говорить друг другу стихи нараспев, **что попало**, а остальные подхватывают хором* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]. В этом и подобных примерах компонент *попало* утратил способность к управлению зависимым словом, а сочетание *что попало* встраивается в однородный ряд: (*начинают говорить*) *стихи, что попало* (т. е. *неважно что, всякую ерунду*), тем самым теряет предикатную роль, а приобретает роль объекта. Этот компонент застывает в одной форме, утрачивает способность к формоизменению, к синтаксическому «согласованию». Ср.: *Он взял те вещи, какие попали под руку — Он взял какие попало вещи.*

Итак, редукция (а именно утрата опорного местоимения/существительного и глагольного управления) приводит к образованию синтаксической фраземы, при этом наблюдается изменение не только морфологических и синтаксических свойств компонента **попало**, но и его лексического значения. Ср.: *Попасть: '2. Оказаться, очутиться к каком-н. месте, положении, обстоятельствах (обычно случайно, неожиданно)'*. Застывшая форма *попало* утратила значение действия и приобрела значение объекта безразличного выбора (Что угодно, безразлично что; все подряд).

Второй процесс — процесс кристаллизации синтаксической структуры вокруг лексической единицы в застывшей форме (*попало*), часто употребляемой в смещенном значении, причем эта лексема является неотъемлемой частью синтаксической фраземы. А второй компонент вариативен: в его роли могут выступать все воприсительно-относительные местоимения:

- мест.-сущ. в разных предложно-падежных формах:

Кто попало приговаривает к смертной казни кого попало за что попало [В. Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000]; *Потрясая недаром украденным ножом, срываясь со скользких уступов, цепляясь за **что попало**, иногда ползя на коленях, он стремился к столбам* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть I (1929–1940)].

- мест.-прилагательные в разных предложно-падежных формах:

*Я могу надеть **какие попало** джинсы, кое-как собрать волосы в хвост, но белье и духи все равно выбираю полчаса как минимум* [А. Карабаш. La perla, или мало ли что? (2002) // «Домовой», 2002.06.04].

- мест.-наречия:

Все делалось в спешке, мы не складывали дрова, а швыряли их с платформ как попало, громоздя кучами [Ю. Трифионов. Дом на набережной (1976)]; *У меня была идея — рвануть отсюда, куда попало* [С. Довлатов. Заповедник (1983)].

Интересна статистика, которую приводит Национальный корпус русского языка: фраза *куда попало* впервые зафиксирована в 1802 г., *что попало* — с 1812 г., а *сколько/откуда/какой/кто попало* только с конца XIX века. Любопытен первый пример с *кто попало*, так как фраза включает в себя сразу два местоименных компонента:

Нашлившись досыта, усталые девицы, через силу переводя дух, расселись по лавкам, где кто попало [П. И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871–1874)].

Эта статистика свидетельствует, что фраза «мест.+попало» появилась в начале XIX века, постепенно расширяя список местоимений. И несмотря на то, что «кто попало» зафиксировано позже, чем «где попало», все-таки следует учитывать, что эти фраземы сначала закрепились в разговорной речи, а только потом стали функционировать в художественных текстах. К тому же, Национальный корпус зафиксировал не все произведения художественной литературы XIX в. Полагаем, что оборот **что/кто попало** — это результат редукции СПП, где **попало** и пр. появились по аналогии, т. к. у них не было исходного СПП. Другими словами, видимо, сначала появились «что попало» и т. п. с мест.-существительными, затем оборот перестал быть нормальной предикативной единицей, глагол оторвался от парадигмы и появилась возможность использовать несогласуемые «где/куда» и т. п. Причем фраземы *где/куда попало* могут функционировать только при определенных глаголах с обязательной обстоятельственной валентностью: так, вполне естественно сказать *лежали где попало*, но сомнительно *слушали где попало*, глагол *слушать* с сильной объектной валентностью, скорее, будет функционировать с фраземой *кого попало*.

Расширение круга переменных местоимений при застывшей форме *попало*, утратившей предикатную функцию, привело к тому, что данная полуфраза в предложениях может выступать в разных синтаксических ролях: дополнения (*слушать кого попало*), определения (*каких попало вещей*), обстоятельства (*бродить где попало*).

Как уже отмечалось, Я. Г. Тестелец считает оборот с *попало* эквивалентом неопределенного местоимения. И действительно, в ряде случаев данная фраза имеет значение неопределенности: —

*Что я должен сказать? — Говори, что **попало**. Слова не имеют значения* [С. Довлатов. Чемодан (1986)]. Говори что попало = говори что-нибудь.

Но чаще значение фраземы не сводится к неопределенности, синонимическая замена на неопределенное местоимение не всегда корректна. В таких случаях значение фраземы можно было бы сформулировать как значение безразличия, неважности выбора:

*У нее были любовники, **кто попало**: зубные врачи, парикмахеры, странствующие артисты и безбородые молодые офицеры в долгу* [Н. Д. Ахшарумов. Концы в воду (1872)]. Кто попало — безразлично кто, без разбора.

*Иногда не могу сдержаться, схвачу ее в охапку и целую **куда попало** — в шею, в щеки, в макушку, а она вырывается, мол, хватит, мама,пусти!* [М. Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010] — целую в любые места, без разбора.

*Каждый **норовил ударить, горячились, барабанили кулаками как попало*** [О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]. Как попало = без разбору.

Вероятно, эта семантика безразличия послужила основой появления у данной фраземы негативной оценки, которая поддерживается контекстом:

*А вообще, «Стиляга» кому **попало** не отдается: только в хорошие руки* [Стиляга в гостях у «Марийской правды» (2003) // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.21]

*А когда нетворческий человек пытается творить, он заменяет акт творчества **чем попало** — чаще всего ничтожными домашними революциями* [Ю. Трифионов. Предварительные итоги (1970)].

Противопоставление кого попало «хорошим рукам», акта творчества чему попало с уточнением «ничтожным домашним революциям» позволяет понять негативно-оценочный компонент. Любопытно, что в одном контексте могут одновременно функционировать несколько фразем с разной смысловой нагрузкой. Так, пример: *Кто попало приговаривает к смертной казни кого попало за что попало* [В. Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000] не будет равен по смыслу предложению: *Кто-нибудь приговаривает к смертной казни кого-нибудь за что-нибудь*. При такой трансформации происходит существенная смысловая утрата, нивелируется авторское отношение к сообщаемой информации. *Кто попало* можно интерпретировать как «не имеющие морального права», *кого попало* можно трактовать как «любого попавшегося под руку, без разбора», *за что попало* — «за малейшую провинность».

Итак, сочетание *мест. + попало* — это лексическая единица или грамматическая? Однозначного ответа нет. Нам представляется, что чем более частотной и невариативной является фразема, тем больше вероятность ее фиксации в Словаре (клише, лексическая фразема); чем она менее частотна и более вариативна, тем больше вероятность ее фиксации в Грамматике (синтаксическая фразема). В нашем случае есть вариативность первого компонента со всей парадигмой формоизменения, возможность различной смысловой интерпретации в тексте в зависимости от прагматики, что говорит в пользу синтаксической фраземы.

Примечания

1. Шведова Н. Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1958. № 2. С. 93–100.
2. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
3. Русская грамматика. Т. I–II. М., 1980.
4. Шмелев Д. Н. О связанных синтаксических конструкциях в русском языке // Избранные труды по русскому языку. М., 2002. С. 411–438.
5. Fillmore Ch. J. & Kay P. Construction Grammar Coursebook. University of California at Berkeley Department of linguistics. 1993.
6. Кустова Г. И. Прагматические факторы в редуцированных конструкциях: квазирелятивы типа *что хочешь* // Вестник Новосибирского гос. пед. ун-та. 2015. № 5. С. 122–131.
7. Mel'čuk I. A. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics. M. Everaert, E. J. van der Linden, A. Schenk, and R. Schreuder (eds.), Idioms: Structural and Psychological Perspectives, Hillsdale, New Jersey, Hove, UK. P. 167–232.
8. Коптев М. В., Стеклова Т. И. Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М. 2016.
9. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. С. 100.
10. Аничков И. Е. Идиоматика в ряду лингвистических наук // Аничков И. Е. Труды по языкознанию. СПб., 1997. С. 101–145.
11. Добровольский Д. О. Пассивизация идиом (о семантической обусловленности синтаксических трансформаций во фразеологии) // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 39–61.
12. Кустова Г. И. Указ. соч.
13. Тестелец Я. Г., Былинкина Е. Г. Новые неопределенные местоимения в русском языке // XXXIII Международная филологическая конференция. Вып. 25: Секция прикладной и математической лингвистики. Т. I. СПб. 2004. С. 40–45.
14. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка. М., 2000.
15. Пахомов В. М., Свинцов В. В., Филатова И. В. Трудные случаи русской пунктуации: словарь-справочник. М., 2012.
16. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.
17. Тестелец Я. Г., Былинкина Е. Г. Указ. соч.

Between lexicon and grammar: the question of the status of semiphraseme

The article is an attempt to determine the status of linguistic units that mediate between lexis and grammar. They also include syntax that N. Shvedova called “phraseologized constructions”. There’s no definite nomination for this term. Different authors use the terms “sentences of phraseologized structure”, “phraseo-schemes”, “formal structures”, “kvazi relatives”, “syntax phrazeme” and others. Syntax phrazemes do not fit into traditional syntactic classification and therefore require special consideration. As a reason for the introduction of these transitional units the author suggests the process of idiomatisation that affects not only lexis but all language levels and can lead both to the phraseological unit formation and the grammar rule creation. The more frequent and less variative phraseme is, the more likely it is to see it fixed in a dictionary (as a cliché or lexical phrase). The less frequent and more variative phraseme is, the more likely it is to see it fixed in a grammar rule (syntax phraseme).

The author considers the process of converting a full complex sentence into syntactic phrasal units, for example, the pronoun+попало. The introduction and development of syntax phraseme is considered as one of the stages of grammaticalisation. The verb loses its properties (the paradigm of deformation, the ability to control grammar, predicate function).

Keywords: idiomatisation, phraseological, grammaticalisation, syntactic phraseme, semiphraseme, reduction.

© **Томмола Ханну**

Университет Тампере (Финляндия);

УрФУ, г. Екатеринбург

В самом деле? Что происходит на самом деле?

Дискурсивные слова на рубеже семантики и прагматики¹

Статья посвящена проблемам дискурсивных слов в связи с переводом их с одного языка на другой — в нашем случае с русского языка на финский. В первой части обсуждается теоретический статус прагматически значимых лексем (слов и словосочетаний), для которых трудно определить конкретное лексическое значение. Здесь приводятся некоторые концепции, предложенные для выяснения понятия дискурсивных слов и отграничения их от других прагматических лексических единиц, таких как модальные и дискурсивные частицы. Терминологически наиболее важно, пожалуй, сделать различие между дискурсивными словами и дискурсивными частицами, одним из центральных понятий в рамках разговорного анализа. Во второй части излагаются результаты проведенного исследования представленности соответствий русских дискурсивных слов *в самом деле* и *на самом деле* в финских переводах русской художественной прозы. Оказывается, что значения распределения финских соответствий обоих русских дискурсивных слов значительно расходятся. Кроме того, и данные Национального корпуса русского языка

---

¹ Исследование выполнено при поддержке программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).